

ПРАВО КАК ФЕНОМЕН ЯЗЫКА

LAW AS A PHENOMENON OF LANGUAGE

E. Chufarova

Annotation

The article provides an analysis of the existing concepts of interaction of the language and the law in juridical linguistics and jurisprudence. The law is presented as a specific form of the language existence. The language serves both as the outer shell and the fundamental essence of the law, and therefore, in order to understand the processes that take place within the law, its behavior, it is necessary to understand the behavior and the processes that occur in the language. Here, we explore the possibility of semiotic approach to analyzing the language of law from the syntactics perspective (i.e. the rules of arrangement of legal texts), semantics (semantic analysis necessary to achieve the maximum accuracy of transfer of thought in verbal form) and pragmatics (use and understanding of linguistic signs, their functioning in speech).

Keywords: legal linguistics, legal language, semiotics, sign systems.

Аннотация

В статье проведен анализ сложившихся в юридической лингвистике и юриспруденции концепций взаимодействия языка и права. Право представляется в качестве особой формы существования языка. Язык выступает одновременно и как внешняя оболочка, и как глубинная сущность права, следовательно, для понимания процессов, происходящих в праве, его закономерностей необходимо понимать закономерности и процессы, происходящие в языке. Рассматривается возможность семиотического подхода к анализу юридического языка с точки зрения синтактики (т.е. правил построения юридического текста), семантики (семантического анализа, необходимого для достижения максимальной точности передачи мысли в словесной форме) и прагматики (использование и понимание языковых знаков, их функционирование в речи).

Ключевые слова:

Юридическая лингвистика, язык права, семиотика, знаковые системы.

Большинство исследований в области юридической лингвистики имеет сугубо практическую направленность. Такие научные труды ориентированы на создание эффективных методов составления, понимания, толкования, перевода юридических текстов. При этом единый системный и всесторонний подход к изучению юридического языка еще не выработан. Это порождает множественность научных взглядов и позиций.

В научной литературе существует несколько концепций, определяющих отношения между языком и правом. Первоначально в юриспруденции языковому фактору придавали вторичное значение, а главенствующим был так называемый инструменталистский подход, который предполагал, что язык является средством материализации, внешней оболочкой, позволяющей выразить замысел и волю законодателя. По мнению советских правоведов, язык должен был лишь отражать правовые сущности, но никак не мог определять или предписывать их. Таким образом, язык выступал в качестве средства выражения воли победившего класса, создающей новый мир. Это прослеживается в трудах И. Д. Ильинского [14], М. М. Гроздинского [13], П. В. Верховенского [11], Х. Э. Бахчисарайцева [7], И. Л. Брауде [10] и др. Основная за-

дача выражалась в подборе максимально эффективных языковых форм для создания законов, способных наиболее точно выразить волю пролетариата.

Также инструменталистская концепция прослеживается в более поздних трудах, например, в работах А. Ф. Черданцева, который определяет язык как "средство реализации, своеобразной материализации процесса и результатов познания", а также как средство материализации и реализации правового регулирования [27, с. 8]. Подобной точки зрения придерживается Р. А. Ромашов, который тоже отмечает, что "в ментальности юристов язык понимается, прежде всего, как средство формализации мысли и воли законодателя" [21, с. 54]. Таким образом, язык служит своего рода посредником, позволяющим придать воле законодателя и правовым предписаниям определенную форму и сделать их пригодными для использования и передачи реципиенту.

В своем исследовании Н. А. Власенко рассматривает язык права как часть общеправового языка, лексикон нормативных и официальных интерпретационных актов: "Он неразрывно связан с текстом права, вне его не существует. Текст права есть объединение правового лекси-

кона и его стиливых закономерностей. Это одно из важнейших выражений права, форма его существования. В текстах права официально (нормативно, в нормах права) фиксируется воля и интересы нормодателя, воплощаясь затем в общественную практику" [12, с. 32].

Иная концепция взаимоотношений языка и права выдвигается в рамках антропоцентризма.

Одним из первых ученых, обративших внимание на взаимопроникновение языка и права, а не просто на использование внешней оболочки первого для отображения второго, стал А. А. Ушаков: "Изучение языка и права показывает, что язык, наряду со своими главными функциями, выполняет в известной степени и функции, связанные с регулированием поведения людей, т.е. язык выступает в качестве регулятора общественных отношений, в чем, как известно, и состоит суть права. Разумеется, эта общность языка и права содержит в себе принцип различия. Но факт остается фактом, что принятые формы употребления слов иногда определяют и формы поведения людей" [25, с. 14]. Более того, ученый выдвинул идею о языке права как одном из наиболее древних слоев языка [25, с. 167], связывая это с его регулятивно-функциональной. Аналогичный подход характерен не только для исследователей непосредственно языка права. Так, по мнению А. И. Пигалева, язык, являясь заместителем ритуала, "моделирует общественную структуру группы в пространстве и во времени..." [18, с. 40 – 53]. Ученые даже возникновение письменной речи связывают именно с потребностью в регламентации общественных отношений [22, с. 173].

В трудах С. С. Алексеева выражена идея о том, что язык следует рассматривать "как феномен, направляющий деятельность носителя языка, а воля закона ("буква" закона) существует отдельно и независимо от воли создателя закона... Воля, выраженная в правовых предписаниях, приобретает относительно самостоятельное существование. В частности, смысл и содержание закона перестают быть зависимыми от воли и желания лиц, его составивших" [4, с. 297]. Постепенно язык начинает рассматриваться не в качестве одного из элементов юридической техники, а как основная форма бытия права: "язык в праве – это не только вопросы юридической техники и стилистики, это конструктивные моменты самого существования права как своеобразного феномена социальной действительности, его бытия в виде конституционно-явления" [5, с. 7].

Подход к языку как к субстанции, являющейся "средством выражения воли законодателя как фундаментальной основы законодательства", взаимодействующей с юридической техникой и обеспечивающей акт правовой коммуникации, предложил Н. А. Любимов, по мнению которого "право всегда объективируется в языке" [16].

Наиболее интересными, на наш взгляд, являются идеи о взаимодействии языка и права, выдвинутые в рамках исследования коммуникативной природы права в трудах А. С. Александрова [1; 3], А. В. Полякова [19], Е. А. Романовой [20] и др. Указанные ученые рассматривают право не просто как языковой, а как коммуникативный феномен. При этом язык является ядром правовой коммуникации, а сама юридическая деятельность тесно взаимосвязана с деятельностью речевой.

Александров А. С. в своих исследованиях опирается на труды философов языка и права, касающиеся проблем понимания, интерпретации, возникновения языка и права, в частности Р. Барта, Х. – Г. Гадамера, Л. Витгенштейна, а также на психологическую теорию права Л. И. Петражицкого. Ученый говорит о предельном упрощении роли языка юристами и низведении его до проводника, лишеного самостоятельного значения. Он полагает, это обусловлено тем, что "...юридической науке удобен постулат об объективности и нейтральности языка, ибо при таком подходе не подвергается сомнению формальная определенность права" [1, с. 28]. По мнению же самого ученого, "право состоит в актуализированном речью смысле текста закона и сопровождающих его психических эмоциях и переживаниях" [3, с. 43]. Ученый разрабатывает и вводит в употребление концепт, предполагающий понимание отношений между текстом закона, интерпретацией и правом как тремя составляющими единого целого, который обозначается как "право=текст". Право немислимо вне текста закона, образом существования его является проговаривание, интерпретация смыслов этого текста" [2, с. 11].

В целом А.С. Александров полагает, что право это текст закона, помноженный на его интерпретацию [1, с. 67 – 68].

Подобной точки зрения придерживается и А. В. Поляков, который отмечает, что правовой текст – это коммуникативно-познавательная единица, без которой право существовать не может" [19]. Таким образом, принципиальным и общим для этих двух концепций положением является выдвижение на первый план субъективной по своей природе интерпретационной деятельности, которая определяется как "измерение услышанного меркой слушателя, измерение человеческого" [1, с. 69]. При этом не опровергается утверждение М. М. Бахтина, в соответствии с которым "...текст... никогда не может быть переведен до конца, ибо нет потенциально единого текста текстов" [6, с. 310].

Подводя итог выше сказанному, мы можем отметить, что каждая из приведенных концепций, по разным основаниям и с разных сторон описывая взаимоотношения языка и права, может быть по своему правильной. Однако ни одна из них не может считаться абсолютно полной.

Связь языка и права сложна и многогранна. С одной стороны именно языком определяется специфика выражения и восприятия права, а также особенности его толкования, возможности взаимодействия с иными социальными нормами и самое главное – его эффективность. С другой стороны, право, являясь особой формой существования языка, в свою очередь способствует его сохранению, развитию и обогащению [24, с. 44].

Язык является формой для правовых предписаний. Но также не вызывает сомнений и то, что язык и право находятся в постоянном взаимодействии и влияют друг на друга. Более того, можно с уверенностью говорить о влиянии языка и его грамматических форм на само мироощущение конкретной нации. Так, например, стиль мышления в немецкой культуре будет отличаться от французской, что в значительной степени обусловлено особенностями национальных языков этих народов [9, с. 208]. Неразрывно связанные с формами народной жизни, языковые формы призваны передавать ее особенности и характер, отличающие именно русское национальное самосознание и юридическую культуру [8, с. 71].

Таким образом, с какой точки зрения мы бы не рассматривали связь между языком и правом, однозначно можно сказать, что она существует. Для того чтобы понять, какой точки зрения придерживаться при исследовании языка права, следует понять, что же такое язык в целом. Язык – это система знаков, предназначенная для фиксации, хранения, переработки и передачи информации. Придерживаясь точки зрения о языковой сущности права, мы можем распространить на право характеристики, присущие языку, в том числе и знаковость: "Язык – элемент правовой системы общества. Его уникальным свойством является знаковость [17, с. 6]. Следовательно, рассматривая право и правовой язык как знаковую систему, мы можем использовать при его анализе и изучении семиотический подход.

Данный подход содержит в себе три уровня: синтактику, семантику и прагматику.

◆ *Первый* – синтактика – изучает отношения между знаками. Основным предметом синтактики является сочетаемость знаков, правила построения знаковых выражений (синтаксис). Т.е. в рамках данного подхода из-

учаются синтаксические конструкции языка права, особенности лексической сочетаемости.

◆ *Второй* – семантика – направлен на изучение знаковых систем как средств выражения смысла. Основным предметом выступают интерпретации знаков и их сочетаний. Семантическая проблематика выражает общеправовую проблему связи мышления и бытия. Здесь наиболее актуальными являются вопросы о том, в какой мере язык способен выразить неязыковую реальность, а также о способности мысли понять внешний для неё предмет. Так, например, Ф. де Соссюр определял знак, как двойственную сущность, которая представляет собой единство плана выражения и плана содержания (или означающего и означаемого). Таким образом, основной задачей семантики является изучение взаимосвязи между указанными двумя сторонами [23]. Концепция, разработанная Г. Фреге, ориентирована на необходимость различения предметного и смыслового значения знака, то есть обозначаемого объекта и понятия о нём [26]. Данный подход главной задачей семантики предполагает установление связей между знаковыми выражениями, обозначаемыми объектами и отношениями между ними.

◆ *Третий уровень* – прагматика. В рамках данного уровня изучаются отношения между знаковыми системами и воспринимающим, интерпретирующим и использующим заложенные в них сообщения. Прагматика тесно связана с коммуникативной функцией знаковых систем.

Таким образом, мы можем констатировать, что взаимосвязь языка и права явление весьма сложное и многогранное, вызывающее к жизни множество научных концепций и исследовательских подходов. Язык права – не просто средство передачи информации. Язык есть средство доступа к мыслительным процессам, механизм познания, фиксации человеческого опыта, регулятор общественных отношений. Язык – это одновременно и внешняя оболочка, и глубинная сущность права, и для понимания процессов, происходящих в праве, для осознания его закономерностей необходимо понимать закономерности и процессы, происходящие в языке. Мы можем с уверенностью повторить за В. Д. Катковым, что "юрист-теоретик должен быть до известной меры филологом... он должен и не может не подчиняться законам языка данного общества, но он должен делать это сознательно" [15, с. 69].

ЛИТЕРАТУРА

1. Александров А. С. Введение в судебную лингвистику. Нижний Новгород: Нижегородская правовая академия, 2003. 419 с.
2. Александров А. С. Толковательное право? // Юрислингвистика–11: Право как курс, текст и слово: межвуз. сб. науч. тр. Кемерово: Изд-во Кемеровского государственного университета, 2011. С. 11 – 19.
3. Александров А. С. Язык и судебная истина // Юрислингвистика–9: Истина в языке и праве: межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Н.Д. Голева. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. университета, 2008. С. 36 – 73.
4. Алексеев С. С. Общая теория права. В двух томах. М.: Юридическая литература, 1982. Т. 2. 360 с.

5. Алексеев С. С. Право – конституционное социальное образование // Вопросы теории государства и права. Саратов, 1983. С. 9 – 10.
6. Бахтин М. М. Проблема текста: Собрание сочинений: В семи томах. М.: Русские словари, 1997. Том 5. 732 с.
7. Бахчисарайцев Х. Э. О законодательной технике и языке нормативных актов // Правоведение. 1960. № 4. С. 3 – 9.
8. Безлепкин Н. И. Философия языка в России: К истории русской лингвофилософии СПб, 2002. 272 с.
9. Боруленков Ю. П. Методология юридического познания: лингвистический подход // Юридическая наука: история и современность. 2013. № 10. С. 206 – 216.
10. Брауде И. Л. Вопросы законодательной техники // Советское государство и право. 1957. № 8. С. 52 – 59.
11. Верховенский П. В. Литературные формы и стиль советских законодательных актов // Власть Советов. 1929. № 13. С. 5 – 6.
12. Власенко Н. А. Язык права. Иркутск, 1997. 176 с.
13. Гродзинский М. М. Законодательная техника и уголовный кодекс // Вестник советской юстиции. 1928. № 19. С. 558 – 562.
14. Ильинский И. Д. Язык закона // Советское строительство. 1927. № 8 – 9. С. 76 – 93.
15. Катков В. Д. К анализу основных понятий юриспруденции. Харьков: Печатня С. П. Яковлева, 1903. 461 с.
16. Любимов Н. А. Конституционное право России: лингвистический аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. 26 с.
17. Петрова И. Л. Правовой синтаксис: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. 25 с.
18. Пигалев А. И. Культурология. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 2006. 420 с.
19. Поляков А. В. Коммуникативная концепция права (проблемы генезиса и теоретико-правового обоснования): автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук. СПб, 2007. 42 с.
20. Романова Е. А. Правовая коммуникация: общетеоретический анализ: диссертация ... кандидата юридических наук. Саратов, 2011. 212 с.
21. Ромашов Р. А. Интерпретация права: лингвистический и технико-юридический аспекты // Юрислингвистика-10: Лингвоконфликтология и юриспруденция / под ред. Н. Д. Голева и Т. В. Чернышовой. Кемерово; Барнаул: Изд-во Алт. университета, 2010. С. 52 – 58.
22. Солганик Г. Я. Стилистика текста. М.: Флинта: Наука, 1997. 256 с.
23. Соссюр Ф. де. Труды по языкознанию. Переводы с французского языка под ред. А. А. Холодовича. Москва: Прогресс, 1977. 695 с.
24. Толстых В. Л. Язык и международное право // Российский юридический журнал. Научно-теоретическое, информационное и практическое издание. 2013. № 2 (89). С. 44 – 62.
25. Ушаков А. А. Избранное: Очерки советской законодательной стилистики. Право и язык М.: Российская академия правосудия, 2008. 314 с.
26. Фреге Г. Избранные работы. М.: Дом интеллектуальной книги, 1997. 160 с.
27. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург: Наука, 1993. 192 с.

© Е.Н. Чуфарова, (kat.chufarowa@yandex.ru), Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»,

Уральский гуманитарный университет, Екатеринбург